

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
21 (84)

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
И ИРАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1970

ВСТАВНЫЕ РАССКАЗЫ В РОМАНЕ 'АБДАЛЛАХА АНՇԱՐԻ „ДРУГ ПОСЛУШНИКОВ И СОЛНЦЕ МАДЖАЛИСОВ“

Абу Исма'ил 'Абдаллах АнՇарӣ Харавӣ (1006—1088),¹ один из крупнейших деятелей и теоретиков раннего персидского суфизма, оставил после себя огромное литературное наследие. По свидетельствам средневековых источников, оно насчитывало не менее пятнадцати крупных сочинений на арабском и персидском языках, в том числе три дивана стихов, записанных, по-видимому, в основном его учениками.

До нашего времени сочинения АнՇарӣ дошли лишь частично. Чрезвычайная популярность произведений АнՇарӣ в течение столетий обусловила их интенсивную переписку. Крупные произведения, большей частью бесструктурного характера, множились во фрагментах и произвольно сочетаемых выборках. Это привело к появлению многочисленных приписываемых АнՇарӣ мелких рукописных компиляций, носящих безликие названия „Рисāле“, „Мунādжāt“, „Мақāmāt“, „Суҳанхā“ и др., и соответственно к искажению текста и значительной деформации основных сочинений АнՇарӣ. Рукописные хранилища мира наводнены списками мелких переработок из сочинений АнՇарӣ, не имеющих устойчивой формы. Крупные сочинения сохранились в сравнительно редких манускриптах.²

¹ Полное имя Абу Исма'ил 'Абдаллах ибн Абӣ МанՇур Муҳаммад АнՇарӣ Харавӣ с почетным прозвищем „Шейх ал-ислам“ и тохаллусом „Пйр-и АнՇар“ или „Пйр-и Харавӣ“. Был мюридом суфийского наставника Абу-л-Хасана Харақанӣ (ум. 425/1033); жизнь провел в Герате, где долгое время был главным духовным лицом в городе. Через наставника своего шейха Харақанӣ был тесно связан с Нишапурским суфийским кругом. См. о нем: В. А. Жуковский. 1) Человек и познание у персидских мистиков. Годичный акт. Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1894 г., СПб., 1895, стр. 97—128; 2) Песни Хератского старца. Восточные заметки, СПб., 1895, стр. 79—113; А. Е. Крыский. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии, т. I, № 4. М., 1915, стр. 507—525; 'گفتار در سرگذشت آثار و افکار خواجه عبد الله انصاری هروی' اثر سرژ بورکوی، کابل، 1957/۱۳۳۶ (имеется библиография) 1957/۱۳۳۶ 'ادبیات در ایران'، جلد ۲، تهران، 1957/۱۳۳۶ 'انصاری نه تصحیح... سلطان حسین گنابادی و وحید دستگردی'، تهران، ۱۳۱۹/۱۹۴۰: دیوان انصاری' بمبئی ۱۲۹۷

² В Рукописном собрании ЛО ИВ АН СССР творчество АнՇарӣ представлено значительной коллекцией, насчитывающей свыше 45 списков. Среди них два неизданных крупных произведения — „Псевдо-Маназил ас-са'ирйн“ и „Аніс ал-мурїдйн ва шамс ал-маджалис“.

Творчество Ансари изучено недостаточно, почти не исследованы крупные его произведения. Литературное наследие Ансари между тем имеет первостепенное значение прежде всего для истории ранней суфийской литературы в Иране (Ансари наравне с суфийским поэтом Баба Тахиром Урйаном считается ее основоположником), но также и шире — для истории персоязычной литературы вообще.

Именно суфийская литература XI в. дает исследователям ценнейший материал для рассмотрения — в их истоках — таких значительных явлений классической персоязычной литературы, как выработка сложной суфийской символики, канонизовавшей систему образных средств, введение в поэзию новых жанровых форм, в частности жанра рубаи, быстро завоевавшего популярность, так же как и применяемые суфийскими авторами стилистические приемы ритмизации прозы и украшения ее рифмами и стихотворными вставками.

Но, по-видимому, более всего ранняя суфийская литература интересна в плане использования произведений народного литературного творчества — фольклорных четверостиший, притч, басен, легенд и анекдотов, к которым суфийские авторы охотно обращались в поисках средств эмоциональной выразительности и широкой доступности.

Важность собирания и изучения суфийских преданий для истории персидского мышления неоднократно отмечал Е. Э. Бертельс;³ он же высказал интересную догадку, что суфийские рассказы-вставки целиком и полностью не принадлежали к высокой литературе, обращаясь в низших слоях народа.⁴

В этом последнем аспекте представляется чрезвычайно любопытным малоизвестное сочинение Ансари „Анис ал-муридйн ва шамс ал-маджалис“ („Друг послушников и солнце маджлисов“).

Это произведение Ансари является старейшей персидской литературной обработкой широко распространенного на Востоке сказания о Юсуфе и Зулейхе. Специалисты — А. Е. Крымский, Е. Э. Бертельс — уже давно отметили необходимость исследования этого произведения Ансари как первой попытки суфийского истолкования коранической легенды об Иосифе Прекрасном, нашедшей затем блестящее продолжение в знаменитой поэме Абдуррахмана Джамий.⁵

Е. Э. Бертельс отмечал, что для разрешения вопроса об источниках поэмы Джамий необходимо привлечь аллегорический роман Ансари „Анис ал-муридйн“. „Возможно, — писал Бертельс, — что тогда мы смогли бы установить связи между Джамии и Ансари, которые могли бы объяснить многие детали поэмы «Юсуф и Зулейха» Джамии... Если бы высказанное предположение подтвердилось, то мы смогли бы объяснить происхождение символической поэмы-романа, относящейся к более позднему периоду развития суфизма, двояким влиянием: с одной стороны — влия-

³ Е. Э. Бертельс, Избранные труды (т. III), Суфизм и суфийская литература, М., 1965, стр. 417.

⁴ Там же, стр. 430.

⁵ Там же, стр. 69; А. Е. Крымский, История Персии, ее литературы и державской теософии, стр. 513.

ние примера Ансари, с другой — влияние эволюции вставных рассказов в творчестве Аттара и Руми. К сожалению, это станет возможным лишь тогда, когда в высшей степени важное произведение Ансари в виде критического издания текста станет доступно более широким кругам востоковедов⁶.

Неизученность романа Ансарӣ объясняется малой доступностью этого неизданного сочинения, сохранившегося, судя по каталогам, только в двух рукописях: это рукопись библиотеки India Office (Оксфорд) и список Института востоковедения АН СССР (Ленинград). Существующие оксфордского манускрипта, описанного Эте,⁷ было известно А. Е. Крымскому и Е. Э. Бертельсу, но самая рукопись осталась им недоступной; о ленинградском списке, привезенном В. А. Ивановым в 1915 г. в составе Бухарской коллекции,⁸ Е. Э. Бертельс, так же как и А. Е. Крымский, не знал.

Особенности суфийской интерпретации коранической легенды в „Анис ал-муридйн“ и ее сравнение с поэмой Джамӣ составят предмет специального исследования.⁹

Цель настоящей статьи — выявить в романе Ансарӣ элементы народной литературы, введя его тем самым в круг наиболее ранних источников, дающих материал для систематизации суфийских преданий и сравнительного изучения их использования и происхождения.

Вот как пишет о создании „Анис ал-муридйн“ сам Ансарӣ: „Группа искренних друзей, собеседников и доверенных людей попросила [меня]: «Начни для нас сочинение, дабы стало оно советчиком, шло в дело как в вере, так и в мирских делах. Пусть будут в нем толкования и изъяснения, а также рассказы и предания древних и все прочее, идущее на пользу»... И я нашел сказание о Юсуфе, в котором все просьбы их, кои были, постарался уечь»¹⁰.

Уместно вспомнить в связи с этим необычайную эрудицию Ансарӣ и специальный интерес его к собиранию преданий. Лучше всего об этом свидетельствует его собственное высказывание: „Я знал наизусть семьдесят тысяч арабских стихов и сто тысяч персидских. Можно сказать, как стихов древних поэтов, так и более новых, и каждый из этих

⁶ Е. Э. Бертельс, Избранные труды (т. III), Суфизм и суфийская литература, стр. 82—83.

⁷ Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the India Office by Hermann Ethé, vol. I, Oxford, 1903, p. 974, n 1778;

⁸ Рукопись С 1480 (старый шифр Nov. 1033) переписана в 1235/1818—1819 г., содержит полный текст сочинения, 137 листов (лл. 16—137а) размером 14 × 24,5. Текст размером 8 × 16 переписан в 17 строк четким насталиком на восточной, тонкой, слабо лощенной бумаге, пожелтевшей от времени. Текст в узкой рамке из двух красных линий. Список хорошей сохранности; судя по припискам на полях, выверен по другой рукописи. Находится в одном переплете с „Бустаном“ Са'дӣ (лл. 1406—2536). Переплет среднеазиатский, плотный, картонный, оклеенный желто-зеленой бумагой с тисненым орнаментом, корешок и края красного сафьяна.

⁹ Научные планы ЛО ИВ АН СССР предусматривают издание и исследование „Анис ал-муридйн“ 'Абдаллаха Ансарӣ.

¹⁰ Рукопись ЛО ИВ АН СССР, С 1480, л. 16.

[стихов] был непросверленной жемчужиной. Утрами и вечерами я занимался чтением Корана, а днем учился. Я исписывал шесть листов [бумаги], заучивал их наизусть, а затем переходил к упражнениям. Я так распределял свое время, что ни одной минуты не был без дела, и у меня не оставалось излишка времени, скорее мне его не хватало. Почти все дни бывало так, что я вплоть до [последней] вечерней молитвы довольствовался [одной] лишь трапезой. По вечерам я писал при светильнике хадисы... Когда я писал, мать отламывала кусочки хлеба и клала их мне в рот. Бог дал мне такую память, что я запомнил все, что выходило из-под моего пера, так что я знал наизусть триста тысяч хадисов и миллион иснадов. То, что я сделал по разыскиванию хадисов великого защитника пророчества [да помолится бог о нем и его домочадцах и да благословит их!], еще никто и никогда не делал".¹¹

„Анис ал-мурйидйн ва шамс ал-маджалис“ следует рассматривать, по-видимому, как один из самых ранних опытов введения народных рассказов в ткань художественного произведения.¹² Этот своеобразный прием, примененный Ансарй, у последующих суфиев в XII—XIII вв. — Сана'й, 'Аттара, Джалал ал-Дина Румй и др. — становится, как известно, ведущим художественным приемом, все более проявляющим в своем развитии тенденцию играть самодовлеющую роль.

Сорок семь коротких рассказов и притч, которые Ансарй ввел в „Анис ал-мурйидйн“, органически составляют единый цикл. Рассказанные по поводу тех или иных положений фабулы, вставные новеллы совершенно независимы по сюжету и форме. Вводимые одним и тем же заглавием — хикайат (рассказ), они легко выделяются в тексте сочинения.¹³

Наиболее частые действующие лица хикайатов — „некий старец“ („пйр-й“), „один из благочестивых“ („йак-й аз салихән“), „один дервиш“ („дервиш-й“), „некий царь“ („пәдшәх-й“), „раб“ („гулам“ или „банде“) и др.

Значительная часть рассказов наделена атрибутами исторической правды. Передатчиками хикайатов Ансарй называет таких исторических лиц, как 'Али, Байзид Бистамй, Зу-н-Нун Мисрй, Ибраһим ибн Адхам. Среди персонажей действуют 'Али и его сын Хасан, Мусә, Раби'а, Зу-н-Нун Мисрй, Джунайд, Хәрун ар-Рашид, султан Махмуд и др. Указывается место действия: Басра, Медина, Мекка, гора Арафат возле Мекки, Куфа, Багдад, Египет, Индия.

¹¹ Цит. по: Е. Э. Бертельс, Избранные труды (т. III), Суфизм и суфийская литература, стр. 67—68.

¹² Е. Э. Бертельс склонен был отнести появление вставных рассказов в литературных произведениях ко времени Сана'й, отмечая, однако, что их можно уже найти в „Псевдо-Маназил ас-са'ирйн“ Ансарй. Е. Э. Бертельс высказывает предположение, что рассказы-вставки ведут происхождение от притч, которыми украшали свои беседы первые суфийские шейхи [Избранные труды (т. III), Суфизм и суфийская литература, стр. 416, сноска].

¹³ В нашем списке переписчик выделяет вставные рассказы графически, выписывая слово „хикайат“ киноварью.

Общая направленность хикайатов дидактическая, религиозно-назидательная, очень часто просто житейски поучительная. Философские догмы и этические нормы учения суфиев воплощены в них в форме реальных картин, простейших жизненных ситуаций и предельно лаконичных диалогов. Необходимость нравственного очищения, человеколюбие, порицание богатства и проще — честность, целомудрие, почитание родителей, воздержание от соблазнов — вот основные идеи этих коротких историй, рассчитанных на быстроту и непосредственность эмоционального восприятия.

Среди хикайатов, включенных Ансари в роман, по жанровым признакам можно выделить следующие группы: исторические и псевдоисторические предания; религиозные легенды и сказания типа жития святых; притчи, имеющие, как правило, характер развернутых сентенций, введенных определенной ситуацией; анекдот или короткая новелла.

Особенно интересны последние — небольшие остросюжетные истории. Они не только пополняют собой сокровищницу мировых сказочно-эпических сюжетов; многие из них имеют быто- и нравописательный характер, зримо отражая живые черты эпохи, ее обычаев, реалий, ее идеологии.

Ниже следуют переводы двадцати двух хикайатов, представляющих все из названных выше групп.

ПЕРЕВОД ВСТАВНЫХ РАССКАЗОВ ИЗ „АНИС АЛ-МУРЙДИН
ВА ШАМС АЛ-МАДЖАЛИС“ ‘АБДАЛЛАХА АНСАРИ
(ПО РУКОПИСИ С 1480 ИЗ СОБРАНИЯ ЛО ИВ АН СССР)

л. 9а „‘Асам ибн Ахмад говорит: Однажды пришел я в присутствие Амира
л. 9б правоверных || ‘Али (милость Аллаха над ним!). Увидел, что он плачет. Что за причина плача? — спросил я. — Как мне не плакать, — сказал он, — когда сегодня до сей поры ко мне ни один гость не пожаловал. Может быть, господь всевышний мной недоволен?“.

л. 12а „Зу-н-Нун Мисри говорит: Видел я некоего старца, ходившего вокруг Каабы. Он рыдал и говорил: Зачем я навлек на себя непрощение в пору нерадивости? Раздался некий глас с неба: О шейх, мы с рабов не взыскиваем за то, что они делали в пору неведения. Когда к чертогу всевышнего придут, скажут: Грешил; милость наша их обласкает и скажет: Входите. Стих:

Ныне я — сокрушающийся грешник,
Содеянным мною устыжен.
Несмотря на повинование, грех наступает
вновь.

Ты — с тем, что подобает тебе, мы — с тем,
что подобает нам“.

л. 18а „Малик Динар (да будет над ним милость Аллаха!) рассказывает. В один из годов совершал я хадж. Однажды ночью на горе Арафат

увидел во сне: Господь всевышний меня позвал и сказал: О Малик, знаешь ли ты, сколько человек совершило во имя мое хадж? — О господь, Ты знающий, — сказал я. — Сказал он: Шестьсот тысяч человек. — Я сказал: Хвала тебе!

Сказал господь: Знаешь ли ты, сколько хаджей я принял? — Я сказал: Нет. Сказал: Все хаджи одобрил, кроме хаджа Ахмада Мухаммада из Балха, поскольку я им недоволен.

Затем я проснулся, утром пошел по караванам, пока не увидел караван балхцев. Мне показали, какая палатка Ахмада Мухаммада из Балха. Я подошел к этой палатке, увидел красивых гуламов, слуг и фарашей. Вошел в палатку, поздоровался. Вижу юношу, одетого в рубище и сидящего на пепле. Когда он меня увидел, сказал: Добро пожаловать, о Малик Диняр. Вчера ты всевышнего господя во сне видел. Он тебе сказал, что все хаджи принял, кроме хаджа моего, ибо я Ахмад и есть. || Я сказал ему: Хвала господу! За что мне выпала столь высокая степень и столь высокое достоинство? Пока в сердце моем это происходило, он сказал: О Малик, у меня есть отец, он мной недоволен. — Я спросил: Где? Здесь? — Сказал: Здесь. — Я сказал: Пошли кого-нибудь со мной, чтобы мне пойти к нему. Попробую заступиться, чтобы простил.

л. 186

Он послал со мной человека. Я пошел, увидел красивую палатку и стоящую группу людей. Вошел внутрь, увидел старца в чистых одеждах, сидящего у курси. Я приветствовал его, он ответил. О шейх, — сказал я, — есть ли у тебя сын? — Сказал: Есть. Есть сын, да будет им недоволен всевышний господь! — Я сказал: О шейх, знаешь ли ты, что сегодня не время обиду в сердце иметь, ибо настала наша пора, и люди пришли дальней дорогой, дабы от несправедливости отказаться. . . Не подобает тебе на сына твоего гневаться, ибо ныне я к богу и посланнику его (да благословит его Аллах и да приветствует!) обращаюсь с просьбой и еще прошу, чтобы ты его простил.

Сказал он: О Малик, в мыслях моих было никогда его не прощать. Но ты пришел и заступников великих привел, и на заступничество твое я согласен. Когда старец это слово произнес, я сказал: Я иду и сообщу.

Когда я в палатку вошел, увидел, что юноша сидит на троне из подушек, в великолепных одеждах, на голове возложена нарядная чалма. Увидев меня, сказал: Да воздаст тебе господь благом, о Малик! Между мной и отцом моим ты установил мир, так что недовольство между нами исчезло. И хадж мой принят.

И Малик говорит: Много хаджей я совершил, но ни один не был мне так приятен, как этот. Бог всевышний да уберезет всех от непослушания родителям!“

„Некий старец увидел во сне своего устада. У него спросил: О чем вы скорбите? — Сказал: Скорбь моя о нерадивости моей. Один человек увидел во сне Зу-н-Нуна Египетского после его кончины. У него спросил: Как с вами поступил бог? — Сказал: На ковер правосудия меня поставил и спросил: О взыскующий, ты на любовь нашу претендовал,

л. 206

а к нам нерадив был. И 'Абдаллах Муслим отца своего покойного во сне увидел. Спросил: Каково твое положение? — Сказал: Увы! Жизнь свою я в нерадивости провел и в нерадивости умер“.

л. 31а „У Абу Талхе был больной сын. Когда он ушел в мечеть, сын получил приказ. Мать его взяла чадру и на него накинула. А Абу Талхе держал пост. [Когда он вернулся], она принесла ему еду. Он спросил: Как сын? — Сказала: Благодарение господу, сей час снизошло к нему забвение. И муж не узнал о смерти. Они поели, совершили намаз и пошли к месту сна.

Когда настал день, она сказала мужу: Что бы ты сказал по такому поводу. Один человек после поочередного владения неразделенной вещью потребовал теперь ее назад, а владельцу ее тяжело [отдавать]? Абу Талхе сказал: Не прав, что не отдает. Жена сказала мужу: Это вроде, как у нас. И у нас сын был взят на подержание у господина всевышнего, который нам его дал. Теперь берет назад. Не подобает тебе скорбеть, что это несправедливо.

[Абу Талхе] сказал: Мы от бога и к нему вернемся. Встал и пошел к хазрату Посланнику (да благословит его Аллах и да приветствует!). А до прихода его Гавриил (мир над ним!) пришел и случившееся хазрату рассказал. И когда Абу Талхе пришел, Посланник (да благословит его Аллах и да приветствует!) изволил сказать: О диво! Это была благословенная ночь для тебя и для народа твоего. Благо да будет тебе и народу твоему, ибо Аллах всевышний ныне ночью дал тебе взамен другого сына, который будет Наставником для этого народа“.¹⁴

л. 35а „Ибраһим Хас купил раба. Спросил [его]: Что ты ешь? — Ответил: Все, что дашь. — Спросил: Что надеваешь? — Сказал: Все, что можно надеть. — Спросил: Что можешь делать? — Сказал: Все, что прикажешь. — Спросил: Есть ли у тебя желанья? — Сказал: Пристало ли рабу иметь желанья? Ибраһим задумался. Сказал себе: Ты никогда для господина не был [таким], как этот раб для тебя. И горько-горько заплакал“.

л. 38б „Один из благочестивых рассказывал: Ходил я вокруг Каабы и увидел женщину поразительной красоты. А я обет дал не смотреть на красавиц. Когда взгляд мой на эту женщину упал, [откуда ни возьмись], прилетела по воздуху стрела и в глаз мой вонзилась. И я услышал голос: О такой-то, ты смотрел глазами смирения, и я послал стрелу предупреждения, а ежели посмотрел бы глазами вожеления, я послал бы стрелу взыскания“.

л. 53б „Один из благочестивых говорит: В пору юности увидел я женщину, которая обладала большой красотой и совершенством. Я ею обольстился. Однажды ночью пришел к ней. А ночь была темная. Она мне сказала: О юноша, нет у тебя стыда, что нас увидят?

¹⁴ Этот рассказ в некотором варианте повторен у 'Аттара в „Хаййат-наме“. 'Аттар приводит имя женщины — 'Умм 'Абдаллах. См. об этом: Е. Э. Бертельс, Избранные труды (т. III), Суфизм и суфийская литература, стр. 425.

Я сказал: Ко благу, пусть звезды нас видят! — Сказала: А Властелин звезд? Я сказал: Диво. Она сказала: Он вездесущ и всевидящ. Тот благородный сказал: Подумал я про себя, что она правду говорит, вернулся и раскаялся. Тотчас голос небесный услышал: Мы ввели тебя в среду чистых“.

„Говорят, что во времена султана Махмуда у одного благородного было засеянное поле и у него был барабан. Так что когда скотина и другие животные забегали в его поля, он бил в барабан, они в страхе разбегались.

л. 616

Однажды султан Махмуд совершал там прогулку, а старого верблюда, на спине которого били в литавры и султанский барабан, туда завели и одного оставили. Верблюд был усталый, остановился и забрел в засеянное поле. Сколько тот благородный в барабан ни бил, верблюд ни с места. Человек выбился из сил. Когда близко подошел, погонщик ему сказал: Взгляни, на спине его султанский барабан. Он всю свою жизнь султанский барабан таскал. От звука твоего барабана не побежит“.

„Говорят, что у одного из султанов прошлого был гулам, которого он поставил своим казначеем. Перед всеми другими гуламами его отличал. Все благородные и близкие падишаха были недовольны, что этот гулам — обманщик и вор, а его перед ними отличают.

л. 626

Вот однажды один из хаджибов вошел и сказал малику: Этот гулам утащил столько-то диремов из казны. Малик в ответ сказал: Никому не говори о предательстве этого гудамы, поскольку я сам назвал его своим доверенным. Согласно тому как всевышний господь назвал тебя правоверным, и даже если от тебя проявится что-то, что не приличествует тебе, есть надежда, что всевышний Судия против слова своего не поступит и другим именем — не правоверным — тебя не назовет.

Спустя некоторое время пришел другой хранитель и сказал: Парчовое платье и платье, расшитое золотом, из казны исчезли. А оказались в руках этого гудамы. Малик на этого хранителя рассердился и приказал, чтобы его на глазах у людей наказали. Сказал: Я сам знаю, что он вор, а также предатель. Однако я не желаю, чтобы этот порок за ним знали, хотя для меня он ясен. [Не подобает], чтобы люди говорили: У этого малика нет пронизательности, что он этого низкого сделал своим доверенным“.

„Зу-н-Нун Мисрй говорит: Видел я одну женщину в пустыне на пути в хадж. Тень ее видна, а сама она нет. Я сказал: О господи! Да будет на тебе благословение бога, покажись мне сама! Тогда она появилась, до крайности красивая, и сказала: О невежда, что такое ты сделал, что меня божественным заклинанием сделал явной? Я сказал: Люблю благочестивцев оттого, что посредством любви к ним к господу приближаюсь. Сказала: О Зу-н-Нун, какое отличие между тобой и идолопоклонниками, которые также говорят: Мы этим идолам не поклоняемся,

л. 626

разве только для того, чтобы нас к господу приблизили. Сказал [Зу-н-Нун]: Ответом ее я подивился. Вдруг голоса послышались среди караванщиков, что на караван нападают разбойники. Все караванщики рыдали и бросались друг к другу, а она засмеялась. Я сказал ей: Время ли для смеха? Когда все плачут, ты смеешься. Сказала: Смех мой от того, что вы твари подобной себе || боитесь. Почему же творца своего не боитесь, дабы вам спасение даровал?

л. 63а

Я сказал: Надо бы, чтобы ты помолилась за меня и за караванщиков, дабы всевышний бог упас от этой напасти. Голову к небу подняла и сказала: О властелин неба без колонн, о ты, являющийся твари из Каф и Нун, во имя того, что ты ведаешь, во имя любви моей к тебе защити этих людей от врагов!

Еще молитву не закончила, как крик из толпы воров послышался: Кто среди вас молится всевышнему господу, чтобы посредством молитвы руку нам от добра вашего укоротить? Да пусть будет так, нам до вас дела нет.

Лица отвратили и ушли. А эта женщина тоже с глаз моих пропала“.

л. 78б

„Один из благочестивых говорит. Видел я во сне человека черноликого, злоречивого, два глаза его красны, как огонь, с руками длинными, как канат, и в руке захвачен нож. Я сказал: Кто ты? — Сказал: Я — твоя душа, которая с тобой здесь пребывает“.

л. 78б

„Сахл ибн Абдаллах говорит. Видел я тысячи почтенных старцев и у них спрашивал: Что есть душа? Никто мне из них ответа не дал. Сказали: Нам понимание души неизвестно, ибо каждый, кто постиг душу свою, постиг господу своего“.

л. 89б

„Некий старец, [проходящий] ступени [суфийского совершенствования], отправился в хадж. Когда достиг Медины Посланника (да благословит его Аллах и да приветствует!), стены Медины поцеловал. Спросили [его]: Целование дверей какой смысл имеет? Сказал: Цель моя — не стены, которые я целую. Предмет поклонения — тот, кто на эти стены глядел и в этом месте пребывал“.

л. 89б

„Маджун стены [дома] Лейлы целовал. У него спросили: Почему целуешь? Сказал: Это из-за любви к тому, кто здесь живет“.

л. 92а

„Говорят, что Джунайд проходил по базару Багдада. Один человек ему сказал: О шейх, сделай-ка мне подсчет поточнее, потому что я не умею. Джунайд сказал: Считаю. Тот человек принялся считать, чтобы подвести итог. Когда кончил, сказал: Столько-то. Джунайд сказал: Один. Тот человек сказал: Может быть, ты не в себе? Я такую сумму насчитал, а ты говоришь «один»!

Джунайд сказал: О хаджа, сколько бы много ты ни считал, я дальше одного не знаю. Ибо единое я постиг, и единое говорю, и единое насчитал, и единое знаю. Другого не знаю, не постигаю, что другое существует. Издавал крик и лишился чувств“.

„Рассказывают, что однажды Хасан ибн 'Али (да будет доволен им Аллах!) у отца своего великого спросил: Ты меня любишь? л. 92а

Сказал: Люблю.

Спросил: Брата моего любишь?

Сказал: Люблю.

Спросил: Мать мою любишь?

Сказал: Люблю.

Спросил: Деда моего любишь?

Сказал: Люблю.

Спросил: Бога любишь?

Сказал: Люблю.

Сказал сын: О отец! У тебя великое сердце, столько любовью вмещает. Я думал, что в одном сердце нет места больше, чем для одной любви.

Амир (да будет доволен им Аллах!) сказал: О сын! Так оно и есть, как ты говоришь. Но у любви много видов. Тебя и брата [твоего] я люблю — это любовь снисхождения, вашу матушку люблю — это любовь чувственная, деда твоего люблю — это любовь сыновняя. К богу же любовь истинная, так что ни одна любовь ей не товарищ!“.

„Один из благочестивых получил приказ. Во сне его увидели, спросили: Как поступил с тобой господь? Ответил: Вот уже долгое время меня пытаются по причине того, что однажды я без спросу взял чернила из чужой чернильницы“. л. 98а

„Один человек после кончины своей явился живущим во сне. Спросили [его]: Как поступил с тобой всевышний господь? Сказал: Я еще не допущен. Спросили: Почему? Сказал: Чужие сапоги без спросу на ноги надел и ритуальное омовение сделал. До сих пор страдание за это терплю“. л. 98а

„Одного человека после смерти его во сне увидели. Спросили: Что тебе бог сделал? Сказал: Меня на место правосудия поставил и спросил: Совершил ли ты хоть один земной поклон, забыв о нас, || или помнил без лицемерия? На список дел своих я поглядел, ни одного поклона без лицемерия не нашел. Сказал он мне: Плохим рабом был ты мне, а я был тебе хорошим господом. л. 98а

Я сказал: О Аллах! Ты назвал меня плохим рабом [своим], а себя хорошим господом. Так поступи со мной так, как исходит из благости твоей, а не от дурноты моей, и этим отпусти мои грехи“. л. 98б

„Рассказывают, был один падишах. После еды ему приносили воду, чтобы он омыл руки. [Однажды] капля воды упала ему на платье. Падишах разгневался и приказал, чтобы фARRаша забили до бесчувствия. А фARRаш, видя это, || вылил на голову падишаха всю чашу воды. л. 98б

Ему сказали: Ты оскорбил падишаха одной каплей воды, и тебя приказали убить. А ты льешь на падишаха всю чашу, что это значит? л. 99а

Фарраш сказал: Приму позор ради доброго имени падишаха! Если меня за одну каплю воды убьют, люди до Дня воскресения будут малика хулить и порицать, что за одну каплю убил человека. Хочу, чтобы позор пал на меня. Для того я эту дерзость сделал, чтоб на мне грех был, раз уж меня убьют. Теперь скажут: фарраш дерзость учинил, на голову падишаху вылил чашу воды. Не могло быть иного наказания, кроме смерти. Искупаю своим позором добрую славу падишаха.

Малик, когда эти слова услышал, сказал: О! Прощаю дерзкий поступок во имя хорошего слова. Проступок его безобразен, сказанное — хорошо!“.

л. 106б

„Передают, что на другой день после Судного дня старца одного привели к месту сбора. И его спросили: Что ты принес? И он назвал триста девяносто ученнейших своих трудов, все призывающих ко греху, не к повиновению. Всевышний владыка приказал: В ад ведите его!

Когда к порогу ада прибыли, [старец] хранителю ада говорит: Дайте мне поплакать над собой. [Плакал] столько, что в глазах не осталось влаги. Сказали: Входи в ад. Старец сказал: Отведите меня в место последнего судилища, потому что у меня одно слово осталось, [не сказанное] там. Запросили позволения у всевышнего господя, разрешение получили. Приводят его к месту последнего судилища. Владыка всевышний говорит: О раб мой, почему вернулся? — Говорит: О господь бог, слово одно у меня есть. — Говорит: Говори. — Говорит: О Аллах, я из уст пророков твоих слышал, что приказано: «С рабом то сделаю, что помыслом раба будет». О боже, это правда? Голос подает: Правда.

Говорит [старец]: О господь бог, по разумению моему в мире и по милости твоей так выходит, что ты меня в ад не пошлешь и меня помилуешь.

[Владыка] ангелам приказал: Этого старца в рай отведите. Когда место сбора от него освободилось, Хазрат [велик он и славен] всевышний повелевает: Во славу и величие мое! Этот старец говорил об аде, но никогда мысли его таковыми не были...“.

Введение в роман вставных рассказов и притч, заключающих самый элементарный кодекс суфийской морали и изложенных, как легко заметить, простейшим языком и простейшими ситуационными схемами, следует рассматривать как специфический художественно-композиционный прием, рассчитанный на всемерную популяризацию идей суфизма, ориентированных на широкие круги населения.

Приведенные хикайаты Ансарй дают и самостоятельно ценный материал для суждения о той литературе, которая была в обращении народа и которая развивалась в XI в. параллельно блестящей и изысканной поэзии при газневидском дворе.

Широкий учет и систематизация использованных суфийскими авторами фольклорных сказаний представляются весьма перспективными для восстановления в возможно большей полноте слабо отраженной в письменных источниках простонародной литературы.

THE INSERTED STORIES IN THE NOVEL OF ABDALLAH
ANSARI „ANIS AL-MURIDIN VA SHAMS AL-MAJALIS“

The novel of Ansari (1006—1088) „Anis al-muridin va shams al-majalis“ is the oldest Persian literary adaptation of the widespread Eastern legend about Yusuf and Zuleikha.

The novel of Ansari till now is not published and represented only in scanty manuscripts. The author analyses the manuscript C 1480 from Institute of Oriental Studies of Academy of Sciences in Leningrad. The article deals with the inserted stories which were introduced by Ansari in the novel. These stories give valuable information about Persian literature of the XI th century.
